

«Что ни звук, то и подарок...»: метаязыковые комментарии в прозе Н.В. Гоголя (К 210-летию со дня рождения)

Метаязыковые комментарии, содержащиеся в художественной и художественно-публицистической прозе Н.В. Гоголя, рассматриваются в статье как форма выражения авторского мировоззрения и как изобразительно-выразительное средство. Автор статьи обращает внимание на то, что в произведениях разных периодов и разных жанров Гоголь демонстрирует разнообразные приемы использования суждений о языке и речи, вводит их в текст с разноплановыми художественными задачами. В то же время в статье говорится о повторяющихся мотивах метаязыкового дискурса у Гоголя, о наличии постоянных метаязыковых техник в идиостиле писателя.

Ключевые слова: *метаязыковые комментарии; поэтическая лингвистика; метаязыковые техники; мотивы метаязыкового дискурса; проза Гоголя*

Marina R. Shumarina

«Whatever a Sound, then a Gift ...»: Metalinguistic Comments in Prose by N.V. Gogol (For the 210th Birth Anniversary)

Metalinguistic comments contained in the fictional and fictional-publicistic prose by N.V. Gogol are considered in the article as a form of expression of the author's worldview and as a descriptive expressive means. The author of the article draws attention to the fact that in works of different periods and different genres, Gogol demonstrates various methods of using judgments about language and speech and introduces them into the text with diverse artistic tasks. At the same time, the article speaks about Gogol's recurring motifs of the metalinguistic discourse and the presence of permanent metalinguistic techniques in the writer's idiosyncrasy.

Keywords: *metalinguistic comments; poetic linguistics; metalinguistic techniques; motifs of metalinguistic discourse; Gogol's prose*

В лингвистике стало традицией противопоставлять научный взгляд на язык и наивный, народный (folk linguistics). Однако существует иной подход к языку (назовем его поэтическим), при котором

автор художественного произведения вводит в текст некие суждения о языке и речи (от предельно лаконичных замечаний до развернутых мини-текстов) и использует их как средство создания художественного образа. Такие метаязыковые фрагменты заслуживают пристального внимания, поскольку их анализ открывает новые аспекты в исследовании текста произведения. Каким образом соотносятся данные «поэтической лингвистики» и научной? Чем отличаются наивные, обыденные воззрения на язык от метаязыковых суждений в художественных текстах? Какие существуют способы эстетической интерпретации сведений о языке / речи в произведениях искусства? Существуют ли типовые метаязыковые техники интерпретации лингвистических объектов одного класса? Связаны ли метаязыковые техники (приемы) с индивидуальным стилем автора?

Марина Робертовна Шумарина, доктор филологических наук, зав. кафедрой русского языка и литературы, Балашовский институт (филиал)

E-mail: mshumarina@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

ул. Астраханская, д. 83, г. Саратов, 410012, Россия

Saratov State University

83 Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia

Ссылка для цитирования: Шумарина М.Р. «Что ни звук, то и подарок...»: метаязыковые комментарии в прозе Н.В. Гоголя (К 210-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. – 2019. – № 2. – С. 53–61. DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-2-53-61.

Какие факторы влияют на развертывание метаязыкового дискурса у одного и того же автора? И т.п.

Поиски ответов на эти вопросы, видимо, целесообразно начать с исследования отдельных поэтических идиостилей с последующим сопоставлением результатов. И среди литераторов, чье творчество заслуживает в этом отношении особого интереса, занимает Н.В. Гоголь. Как показывают наблюдения, метаязыковые комментарии в его произведениях регулярны и многочисленны; в одних только «Мертвых душах» обнаружено около 250 фрагментов, которые можно рассматривать как суждения о языке и речи (см.: [Шумарина 2009]). Такие суждения разнообразны по способам речевого оформления, обращены к различным единицам языка и закономерностям речевого общения.

Метаязыковые комментарии Н.В. Гоголя отличаются не только остроумием и образностью, но и высокой степенью лингвистической достоверности. Писатель, имевший опыт преподавания в университетах, занимавшийся исследованиями в области истории, с особой ответственностью относился к фактической точности литературного материала. С такой же добросовестностью выстраивает автор и свою «поэтическую лингвистику», основанную на знании научных фактов (особенно связанных с популярными, обсуждаемыми в обществе идеями) и на собственном языковом чутье, острой наблюдательности, способности обобщать и делать выводы.

Известно также, что Н.В. Гоголь имел богатый опыт лексикографического творчества, ставший предметом внимания целого ряда исследователей; освещалась эта сторона деятельности писателя и на страницах журнала «Русский язык в школе» [Приемышева 2009; Степанов 2004].

Первый лексикографический труд начинающего писателя — «Лексикон малороссийский», содержащийся в «Книге всякой всячины», которую Гоголь вел в 1826–1832 гг. и материалами которой пользовался при написании «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Есть своеобразные лексикографические вкрапления и в тексте «Вечеров...». Каждую из двух книжек автор начинает небольшим словариком малороссийских слов с переводом на русский и необходимыми пояснениями: «На всякий случай, чтобы не помянули меня недобрым словом, выписываю сюда, по азбучному порядку,

те слова, которые в книжке этой не всякому понятны» (1-я часть). Далее идет перечень слов, которые можно назвать этнографизмами и толкование которых одновременно требует культуроведческого комментария:

Варенуха — вареная водка с пряностями; Гаман — род бумажника, где держат огниво, кремень, губку, табак, а иногда и деньги; Книш — спеченный из пшеничной муки хлеб, обыкновенно едомый горячим с маслом и т.д.

В дальнейшем внимание Гоголя к словам не ослабевает, в его письмах и записных книжках появляются заметки об отдельных словах, а также рассуждения о свойствах русской лексики и русского языка в целом. В связи с этим уместно вспомнить его фразу о *драгоценности нашего языка*, ставшую хрестоматийной. Вырванная из контекста, она воспринимается массовым сознанием как похвала русскому языку вообще, но Гоголь говорит о конкретной группе слов. В письме Н.М. Языкову от 2 декабря 1844 г. писатель делится впечатлениями о прочитанной книге, которую называет «Царские выходы». Скорее всего, речь идет об изданной в 1844 г. в типографии Августа Семена книге «Выходы Государей Царей и Великих князей Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича, Феодора Алексиевича, всея Руси Самодержцев». Составленная членом Археографической комиссии Павлом Строевым, книга представляла собой собрание Выходных книг из архива Оружейной палаты. Выходные книги — это записки о том, какую одежду государи надевали при торжественных и обыкновенных выходах. Составитель в предисловии отмечает, что эти записки «сухи и однообразны, но при *внимательном* чтении открывается много любопытного» [Выходы... 1844: V] (курсив автора. — М.Ш.). Гоголь оказался именно таким *внимательным* читателем. Он признавался своему адресату:

На днях попалась мне книга: Царские выходы. Казалось бы, что бы могло быть ее скучней, но и тут уже одни слова и названия царских убранных, дорогих тканей и камней — сущие сокровища для поэта; всякое слово так и ложится в стих. Дивисься драгоценности нашего языка: что ни звук, то и подарок; всё зернисто, крупно, как сам жемчуг, и, право, иное название еще драгоценней самой вещи. Да если только уверить такими словами стих свой — целиком унесешь читателя в минувшее. Мне, после прочтения трех страниц из этой книги, так и виделся царь старинных, прежних времен, благоговейно

идуший к вечерне в старинном царском своем убранстве [Гоголь 2009: 104].

Эта рефлексия автора о названиях царских убранств весьма показательна. Призывая Н.М. Языкова писать не о современности, а о старине, находить в ней *подобное настоящему* и разить *позор нынешнего времени*, Гоголь предупреждает возможные возражения: «Стих твой не будет вял, не бойся; старина даст тебе краски...». Старина, по выражению Гоголя, «так живьем и шевелится в наших летописях» [Там же], поэтому в исторических документах (как и в Священном Писании) поэту следует черпать и факты, и краски для их изображения. Такими красками являются, в частности, слова, отмеченные эпохой. В этом наставлении проявилось внимание Гоголя к языковому материалу, способность писателя ощутить и прочувствовать эстетический потенциал слова, а также умение говорить о языке ярко, образно.

Много лет Н.В. Гоголь работал над проектом словаря русского языка, который, по замыслу автора, «выставил бы... лицом русское слово в его прямом значении, осветил бы его, выказал бы ощутительней его достоинство... и обнаружил бы отчасти самое происхождение» (цит. по: [Русские писатели... 2004: 136]).

Систематические многолетние лексикографические занятия не только опирались на природные лингвистические способности писателя, но и обусловили их развитие. С каждым новым произведением метаязыковые техники (приемы, при помощи которых лингвистический факт вводится в текст и подвергается эстетическому переосмыслению) у Гоголя становятся всё разнообразнее и изощреннее. Отметим несколько характерных для Гоголя приемов, связанных с языковой и речевой рефлексией.

Один из повторяющихся мотивов метаязыкового дискурса у Гоголя — это мотив *безымянности*, который обычно реализуется как прием отказа от номинации, от поиска адекватного словесного выражения. В гоголевском тексте такой прием, как правило, является средством гиперболизации, основанным на смысловой схеме: ‘Этот предмет настолько исключителен, необычен, не походит на другие аналогичные предметы, что к нему невозможно подобрать название / нет слов, чтобы это обозначить’. В русском языке есть устойчивые единицы с похожей семантикой, указывающие на высокую степень выраженности признака

или состояния: фразеологизм (*просто*) *нет слов* (*Редкой, прямо-таки музейной красоты лицо, из тех, что глянешь — и руками разведешь: нет слов!* (Д. Рубина); *Это настолько оскорбительно — нет слов!* (В. Богомолов)) и фразеологизированная схема предложения *нет слов, чтобы...* (*Нет слов, чтобы передать стыд, боль, горе его юной, влюбленной в него жены* (Ф. Искандер); *Нет слов, чтобы описать степень его нереальности* (В. Пелевин), а также фразеологизированная схема *такой..., что и рассказать нельзя*. Гоголь не только активно использует существующие в языке воспроизводимые единицы (*...только нагрнут в хату парубки с скрыточом — подымется крик, затеется шаль, пойдут танцы и заведутся такие штуки, что и рассказать нельзя* («Вечера на хуторе близ Диканьки»); *Уж как трудно решиться, так просто рассказать нельзя, как трудно* («Женитьба»)), но и расширяет репертуар формальных средств выражения этого значения. Ср.:

Долгом почитаю предупредить читателей, что это была именно та самая брочка, в которой еще ездил Адам... Совершенно неизвестно, каким образом спаслась она от потопа. Должно думать, что в Ноевом ковчеге был особенный для нее сарай. *Жаль очень, что читателям нельзя описать живо ее фигуры.* («Иван Федорович Шпонька и его тетушка»);

...в нарядах их вкусу было пропасть: муслины, атласы, кисеи были *таких* бледных модных цветов, *каким даже и названья нельзя было прибрать* (до такой степени дошла тонкость вкуса). («Мертвые души»).

Такой прием гиперболизации может быть использован и для характеристики собственно речевого объекта. Смысловая схема такова: ‘Эти слова / речь настолько необычны, что раньше такого никто (или кто-то) не слышал’:

[Дед] Влез в курень, промокши насквозь, накрылся тулупом и принялся ворчать что-то сквозь зубы и приголубивать черта такими словами, *какие я еще отроду не слыхивал*. Признаюсь, я бы, верно, покраснел, если бы случилось это среди дня. («Заколдованное место»).

Следующий повторяющийся метаязыковой мотив у Гоголя — комментирование внутренней формы слова. Этот мотив реализуется в виде различных приемов. Так, автор сообщает название некой экзотической для читателя реалии, объясняя при этом и происхождение слова:

Толпа росла; к танцующим приставали другие, и нельзя было видеть без внутреннего движения, как всё отдирало танец самый вольный, самый бешеный, какой только видел когда-либо свет и который, *по своим мощным изобретениям, назван козачком*. («Тарас Бульба»).

Этимологизации у Гоголя, как правило, представляют собой небольшие лингвокультуроведческие этюды. Будучи оформленными как самостоятельный микро-текст, они выполняют в прозаическом тексте роль знаменитых гоголевских лирических отступлений, используемых автором для непосредственного выражения своих размышлений, чувств, оценок. Ср., например, ироническое комментирование фразеологических единиц с намеком на особенности национального характера:

Все те, которые прекратили давно уже всякие знакомства и знали только, как выражаются, с помещиками *Завалишиным* да *Полежаевым* (знаменитые термны, произведенные от глаголов «*полежать*» и «*завалиться*», которые в большом ходу у нас на Руси, все равно как фраза: *заехать к Сопикову и Храповицкому*, означающая всякие мертвецкие сны на боку, на спине и во всех иных положениях, с *захрапами*, *носовыми свистами* и прочими принадлежностями). («Мертвые души»).

В следующем примере восстановление словообразовательных связей помогает выразить удивление и даже восхищение по поводу образного выражения народной речи:

Потом пошли осматривать водяную мельницу, где недоставало порхлицы, в которую утверждается верхний камень, быстро вращающийся на веретене, — «*порхающий*», *по чудному выражению русского мужика*. («Мертвые души»).

Объектом иронической этимологизации становятся утраченные мотивационные связи слова (при сохранении формальной производности):

Так протекала мирная жизнь человека, который с четырьмястами жалованья умел быть довольным своим жребием, и дотекла бы, может быть, до глубокой старости, если бы не было разных бедствий, рассыпанных на жизненной дороге не только титулярным, но даже тайным, действительным надворным и всяким *советникам*, даже и тем, которые *не дают никому никаких советов, ни от кого не берут их сами*. («Шинель»).

Еще одна разновидность игры с внутренней формой слова — установление ложного словообразовательного (и, соответственно, лексического) значения как

средство выражения иронии. Например, слово *исторический* приобретает у Гоголя новое значение — «человек, с которым постоянно происходят скандальные истории»:

Ноздрев был в некотором отношении *исторический* человек. Ни на одном собрании, где он был, не обходилось без *истории*. Какая-нибудь *история* непременно происходила: или выведут его под руки из зала жандармы, или принуждены бывають вытолкать свои же приятели. («Мертвые души»).

К особенностям гоголевского стиля можно отнести также своеобразное использование метатекста. Автор регулярно прибегает к этому приему для экспликации присутствия рассказчика, акцентирует внимание на самой ситуации рассказывания, вступая в диалог с читателем. С помощью непосредственных обращений к адресату, прерывающих повествование, Гоголь создает иллюзию синхронности нарратива и описываемых событий:

Но кто же этот голова, возбудивший такие невыгодные о себе толки и речи? О, этот голова важное лицо на селе. *Покамест Каленик достигнет конца пути своего, мы, без сомнения, успеем кое-что сказать о нем*. («Майская ночь, или Утопленница»).

Метатекстовые вкрапления у Гоголя могут приоткрывать перед читателем творческую лабораторию писателя. Автор словно выбирает более подходящее слово (*а еще лучше*), «примеряет» к тексту то одно выражение, то другое, и читатель становится свидетелем этого выбора:

Мне нравится, что к нему [дому Ивана Ивановича] со всех сторон пристроены сени и сенички, так что если взглянуть на него издали, то видны одни только крыши, посаженные одна на другую, что весьма *походит на тарелку, наполненную блинами, а еще лучше на губки, нарастающие на дереве*. («Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»).

Наконец, прием, который вполне можно считать гоголевским ноу-хау, — использование метатекста для обмана читательских ожиданий. В произведениях автора нередко встречаются заявления об отказе говорить о чем-либо:

Не мешает сделать еще замечание, что Манилова... но, признаюсь, *о дамах я очень боюсь говорить*, да притом мне пора возвратиться к нашим героям. («Мертвые души»).

Прямые авторские обращения к читателю — это всегда сильная позиция, важная для интерпретации текста. Хотя автор и заявляет, что боится говорить о дамах, он не выполняет своего обещания и дает подробнейшую характеристику Маниловой. Цель подобных заявлений — привлечение внимания читателя к содержанию, которого якобы не будет. На самом деле их следует понимать так: автор обязательно это опишет (возможно, уже в следующем абзаце или даже в следующей фразе). Описание может быть как прямым и развернутым (характеристика дамского общества), так и косвенным — через передачу ощущений и оценок (характеристика присутственного зания). Контраст ожидания и результата создает эффект обманутого ожидания.

В разные периоды творчества использование метаязыковых комментариев у Гоголя имеет свои особенности. Так, в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» и в «Миргороде» сочный импрессионизм в изображении малороссийского быта, народных характеров требовал внимания к экзотическим деталям, многочисленным пояснениям. Тексты этого периода щедро снабжены метатекстовыми вкраплениями — толкованиями слов и выражений, встроены непосредственно в предложение или расположенными в позиции сносок и примечаний. Автор считает необходимым прокомментировать названия предметов быта, слов, связанных с особенностями общественных отношений, а также фразеологизмов ограниченного употребления:

Другой цыган, ворча про себя, поднялся на ноги, два раза осветил себя искрами, будто молниями, раздул губами трут и, с *каганцом* в руках, *обыкновенною малороссийскою свечильною, состоящею из разбитого черепка, налитого бараньим жиром*, отправился, освещая дорогу. («Сорочинская ярмарка»);

Дед мой ... умел чудно рассказывать. Бывало, поведет речь — целый день не подвинулся бы с места и все бы слушал. Уж не чета какому-нибудь нынешнему балагуру, который как начнет *москаля везть (То есть лгать. Прим. авт.)*..., то хоть берись за шапку да из хаты. («Вечер накануне Ивана Купала»).

Толкование некоторых устойчивых выражений требует подробного культуроведческого комментария, рассказа о связанных с выражением обычаях, обрядах:

Чего ни делала Пидорка: и совещалась с знахарями, и *переполох выливали*, и *соняшницу заваривали* — ничто не помогало... *Выливают переполох*

у нас в случае испуга, когда хотят узнать, отчего приключился он; бросают расплавленное олово или воск в воду, и чье примут они подобие, то самое перепугало больного; после чего и весь испуг проходит... *Заваривают соняшницу* от дурноты и боли в животе. Для этого зажигают кусок пеньки, бросают в кружку и опрокидывают ее вверх дном в миску, наполненную водою и поставленную на животе больного; потом, после зашептываний, дают ему выпить ложку этой самой воды. («Вечер накануне Ивана Купала»).

В «Мертвых душах», «Петербургских повестях» мотивы метаязыкового дискурса становятся разнообразнее. По-прежнему важную изобразительную роль играют комментарии к словам и выражениям. В то же время усложняется структура повествования, оно приобретает своеобразный полифонизм: в текстах помимо авторского голоса звучат голоса «всех сословий, званий и промыслов». Гоголь рисует речевой портрет современной ему России, обращая внимание на специфическую лексику и фразеологию. Некоторые из этих единиц остались в коллективной памяти носителей языка именно благодаря произведениям писателя, так как нередко и толкование их, и иллюстрации брались составителями словарей из гоголевских текстов: *мышинный жеребчик*, *кувшинное рыло*, *половой* и др. А некоторые так и не были зафиксированы словарями, и только у Гоголя мы находим сведения о них:

В ворота гостиницы губернского города NN въехала довольно красивая рессорная небольшая бричка, в какой ездят *холостяки: отставные подполковники, штабс-капитаны, помещики, имеющие около сотни душ крестьян*, — словом, все те, *которых называют господами средней руки*;

Заметив и сам, что находился не в надежном состоянии, он стал наконец отпрашиваться домой, но *таким ленивым и вялым голосом*, как будто бы, *по русскому выражению, натаскивал клещами на лошадь хомут*. («Мертвые души»).

Особую группу комментируемой лексики составляют слова, которые современная наука называет лингвоспецифичными (см.: [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 10]) — это единицы, которые не имеют точного эквивалента в других языках, их семантика так или иначе связана с особенностями национального менталитета. Например, автор не оставляет без внимания слово *авос*:

— Ну, слушай, этот раз возьму, и то из сожаления только, чтобы не провозился напрасно. Но если ты привезешь в другой раз, хоть три недели канючь — не возьму.

— Слушаю-с, Константин Федорович; уж будьте покойны, в другой раз уж никак не привезу. Покорнейше благодарю. — Мужик отошел, довольный. Врет, однако же, привезет: *авось* — великое словцо. («Мертвые души»).

Еще одно слово, которое автор связывает с особенностями русского национального характера, — *вперед*. Трижды Гоголь дает ему оценку на страницах «Мертвых душ»:

Странное дело! оттого ли, что честолюбие уже так сильно было в них возбуждено, оттого ли, что в самых глазах необыкновенного наставника было что-то говорящее юноше: *вперед!* — это слово, производящее такие чудеса над русским человеком, — то ли, другое ли, но юноша с самого начала искал только трудностей, алча действовать только там, где трудно, где нужно было показать большую силу души;

...кто бы крикнул живым, пробуждающим голосом, — крикнул душе *пробуждающее слово: вперед!* — которого жаждал повсюду, на всех ступенях стоящий, всех сословий, званий и промыслов, *русский человек?*;

Где же тот, кто бы на *родном языке русской души нашей* умел бы нам сказать это *всемогущее слово: вперед?* кто, зная все силы, и свойства, и всю глубину нашей природы, одним чародейным мановеньем мог бы устремить на высокую жизнь русского человека? Какими словами, какой любовью заплатил бы ему благодарный русский человек! Но веки проходят за веками; полмиллиона сидней, увальней и байбаков дремлют непробудно, и редко рождается на Руси муж, умеющий произносить его, это всемогущее слово.

Появление комментариев такого плана свидетельствует о развитии философского начала в творчестве Гоголя, которого тревожат размышления о судьбах России, о ее месте в мире. Теснейшим образом связаны с этими размышлениями и лингвофилософские воззрения писателя, которые воплотились в ряде комментариев. Подвергая художественному переосмыслению популярные в обществе идеи В. Гумбольдта, Гоголь проводит параллели между особенностями языка и свойствами национального характера разных народов:

...всякий народ, носящий в себе залог сил, полный творящих способностей души, своей яркой особенностью и других даров бога, *своеобразно отличился каждый своим собственным словом, которым, выражая какой ни есть предмет, отражает в выраженье его часть собственного своего характера*. Сердцеведением и мудрым познанием жизни отзовется слово британца; легким щеголем блеснет и разлетится недолговечное слово француза; затейливо придумает свое,

не всякому доступное, умно-художавое слово немец; но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово.

Если приведенный выше пример содержит некоторую гиперболу (истинное положение вещей представлено там упрощенно), то следующее рассуждение поражает глубиной понимания лингвистических закономерностей. Размышления Чичикова о женском характере завершаются выводом: *Галантёрная половина человеческого рода, да и ничего больше!* И сразу же автор приносит извинения за слово *галантёрная*, которое он квалифицирует как «уличное». Однако это слово послужило поводом для довольно пространный отступления о состоянии русского языка:

...если слово из улицы попало в книгу, не писатель виноват, виноваты читатели, и прежде всего читатели высшего общества: от них первых не услышишь ни одного порядочного русского слова, а французскими, немецкими и английскими они, пожалуй, наделят в таком количестве, что и не захочешь <...> А между тем какая взыскательность! Хотят непременно, чтобы все было написано языком самым строгим, очищенным и благородным, — словом, хотят, чтобы русский язык сам собою опустился вдруг с облаков, обработанный как следует, и сел бы им прямо на язык, а им бы больше ничего, как только разинуть рты да выставить его.

Художественная форма позволяет Гоголю удивительно точно и образно выразить идею о связи двух явлений: развития литературного языка и его функционирования. Невозможно ждать совершенства, «обработанности» от языка, которым образованная часть общества избегает пользоваться, предпочитая иностранную речь.

Речевой портрет России складывается у Гоголя и при помощи весьма точных и остроумных зарисовок коммуникативного поведения. Это и язвительные штрихи к портрету губернских дам, которые (как, впрочем, и столичные, по свидетельству автора) изысняются с большим жеманством, используя многочисленные эвфемизмы:

Еще нужно сказать, что дамы города N. отличались, подобно многим дамам петербургским, необыкновенною осторожностью и приличием в словах и выражениях. Никогда не говорили они: «я высморкалась», «я вспотела», «я плюнула», а говорили: «я облегчила себе нос», «я обошлась посредством платка». Ни в каком случае нельзя было сказать: «этот стакан или

эта тарелка воняет». И даже нельзя было сказать ничего такого, что бы подало намек на это, а говорили вместо того: «этот стакан нехорошо ведет себя» или что-нибудь вроде этого. («Мертвые души»).

Это и описания некоторых стандартов русского коммуникативного поведения, например, замечания об особом пристрастии к грубому слову, на которое даже никто и не обижается:

Да где ж ротозей Емельян и вор Антошка? Зачем не дают закуски?

Но дверь растворилась. Ротозей Емельян и вор Антошка явились с салфетками, накрыли стол... Ротозей Емельян и вор Антошка были народ хороший и расторопный. Названья эти хозяин давал только потому, что без прозвищ все как-то выходило пресно, а он пресного не любил; сам был добр душой, но словцо любил пряное. Впрочем, и люди за это не сердились. («Мертвые души»).

Мастерство Гоголя проявляется в создании портретов лингвокультурных типов, т.е. обобщенных типов личностей, характерных для определенной лингвокультуры и определенного исторического периода [Дмитриева 2007: 3]. Например, типаж чиновника-руководителя, который в общении с подчиненными демонстрирует особую сдержанность и немногословие, что должно быть признаком особого ума «государственного» человека:

Наш директор должен быть очень умный человек... А посмотреть в лицо ему: фу, какая важность сияет в глазах! Я еще никогда не слышал, чтобы он сказал лишнее слово. Только разве, когда подашь бумаги, спросит: «Каково на дворе?» — «Сыро, ваше превосходительство!» Да, не нашему брату чета! Государственный человек. («Записки сумасшедшего»).

Типичное коммуникативное поведение служит средством для сравнения: раздосадованный Чичиков бранит Ноздрева с таким воодушевлением и изобретательностью, какие обычно присущи *какому-нибудь ездоному, опытному капитану, а иногда и генералу*.

Сравнение конкретного факта коммуникативного поведения с типичным поведением — характерный гоголевский прием. Так, одной из наиболее трудных художественных задач является передача специфики различных паралингвистических компонентов устного дискурса: оттенков интонации, особенностей мимики, жестикуляции,

смеха и т.д. У Гоголя целый ряд метаязыковых замечаний, описывающих невербальные средства общения, построены как сравнения. В качестве первого компонента компаратива выступает невербальное поведение персонажа, а в качестве второго — речевое поведение определенного типажа, о котором читатель может судить на основе личного опыта. Использование такого приема наблюдаем уже в ранних произведениях писателя:

Нет, ты не спишь, гордая дивчина! — проговорил он громче и *таким голосом, каким выражает себя устыдившийся мновенного унижения*. — Тебе любо издеваться надо мною, прощай! («Майская ночь, или Утопленница»).

Причем объектом сравнения может выступать и невербальное поведение животного, когда нужно передать особенности его гордой осанки и уверенного вида:

Только что въехал он на двор, как сбежались со всех сторон собаки всех сортов: бурые, черные, серые, пегие. Некоторые с лаем кидались под ноги лошадям, другие бежали сзади, заметив, что ось вымазана салом; один, стоя возле кухни и накрыв лапою кость, заливался во все горло; другой лаял издали и *бегал взад и вперед, помахивая хвостом и как бы приговаривая*: «Посмотрите, люди крешенные, какой я *прекрасный молодой человек!*» («Иван Федорович Шпонька и его тетушка»).

В ряде случаев автор дает обширное, развернутое описание «второго члена сравнения», и тогда типичная ситуация становится не просто средством характеристики конкретного факта, но и получает дополнительную актуализацию. Так описывает автор «Мертвых душ» радужную встречу Чичикова на балу членами губернского общества:

Не было лица, на котором бы не выразилось *удовольствие* или по крайней мере *отражение всеобщего удовольствия*. Так бывает на лицах чиновников во время осмотра приехавшим начальником *вверенных управлению их мест*: после того как уже первый страх прошел, они увидели, что многое ему нравится, и он сам изволил наконец пошутить, то есть произнести с приятною усмешкой несколько слов. Смеются вдвое в ответ на это обступившие его приближенные чиновники; смеются от души те, которые, впрочем, несколько плохо услыхали произнесенные им слова, и, наконец, стоящий далеко у дверей у самого выхода какой-нибудь полицейский, отроду не смеявшийся во всю жизнь

свою и только что показавший перед тем народу кулак, и тот по неизменным законам отражения выражает на лице своем какую-то улыбку, хотя эта улыбка более похожа на то, как бы кто-нибудь собирался чихнуть после крепкого табаку.

Здесь автор использует прием «сравнение в сравнении». Реакция общества на появление Чичикова сопоставляется с реакцией инспектируемых чиновников, а улыбка полицейского — с гримасой готовящегося чихнуть. Развернутое сравнение не только позволяет читателю более наглядно представить картину *всеобщего удовольствия*, но и становится средством сатирического изображения физиономии российского чиновничества.

Таким образом, с ростом писательского мастерства, с приобретением нового духовного опыта обогащается художественная палитра Н.В. Гоголя, в том числе становятся более разнообразными и эстетически значимыми метаязыковые комментарии, в которых заметны и лирические, и сатирические, и философские краски и в которых всё более отчетливо отражается творческая и гражданская позиция писателя.

Наконец, в последний период творчества, который ознаменован публикацией «Выбранных мест из переписки с друзьями», Гоголь демонстрирует овладение новым жанром — художественной публицистикой. В «Выбранных местах...» звучит в полный голос новая философия автора, пережившего духовный кризис, возродившегося к новой жизни и уверенного, что «сатирой ничего не возьмешь; простой картиной действительности, оглянутаго глазом современного светского человека, никого не разбудишь» [Гоголь 1990: 103]. В отличие от собственно художественных текстов в гоголевской публицистике прямо звучат призывы и наставления автора, в обращениях к адресату отчетливы проповеднические ноты. Однако это публицистика именно писателя, с присущей Гоголю меткостью словесных образов, с обращением к привычным мотивам и темам.

Изменение «образа автора» непосредственно проявилось и в характере метаязыковых комментариев. Это серьезные, обстоятельные рассуждения (своеобразные ростки которых мы видим в лирических отступлениях «Мертвых душ»), в том числе и о языке. Ср., например, размышления автора о происхождении и национальной специфике русской пословицы:

Пословица не есть какое-нибудь вперед поданное мнение или предположение о деле, но уже *подведенный итог делу*, отсед, отстой уже *перебродивших и кончившихся событий*, окончательное извлечение силы дела *из всех сторон его, а не из одной*. Это выражается и в поговорке: «Одна речь не пословица». Вследствие этого заднего ума, или ума окончательных выводов, которым преимущественно наделен перед другими русский человек, наши пословицы значительнее пословиц всех других народов.

Различие в метаязыковой интерпретации в художественных и публицистических текстах Гоголя можно продемонстрировать на примере комментирования одного и того же языкового факта, а именно — употребления слова *баба* в качестве обидной характеристики мужчины. Если в «Мертвых душах» лингвистическое пояснение выполняет роль метатекста и поясняет речевое поведение персонажей, то в письме к неустановленному адресату, обозначенному инициалами «Б.Н. Б.», автор использует тот же факт для прямого поучения:

Многие даже из мужчин были совращены и пристали к их [женщин] партии, несмотря на то что подвергнулись сильному нареканию от своих же товарищей, обругавших их *бабами* и юбками — *именами, как известно, очень обидными для мужского пола*. («Мертвые души»);

Мужика не бей. Съездить его в рожу еще не большое искусство. Это сумеет сделать и становой, и заседатель, даже староста; мужик к этому уже привык и только что почесет слегка у себя в затылке. Но умей пронять его хорошенько словом; ты же на меткие слова мастер. Ругни его при всем народе, но так, чтобы тут же обсмеял его весь народ; это будет для него в несколько раз полезней всяких подзатыльников и зуботычин. Держи у себя в запасе все синонимы молодца для того, кого нужно подстрекнуть, и все синонимы *бабы* для того, *кого нужно попрекнуть*, чтобы слышала вся деревня, что *лентяй и пьяница есть баба и дрянь*. («Выбранные места из переписки с друзьями»).

Встречаем в «Выбранных местах...» и привычные метаязыковые техники, но стилистические функции их иные, чем в художественной литературе. Так, прием этимологизации служит теперь не целям иронии или языковой игры, но используется как аргумент в серьезной дискуссии. Верное понимание этимологии слова *просвещение*, его связи с Церковью, должно, по мнению автора, помочь в понимании сути и назначения самого просвещения:

Мы повторяем теперь еще бессмысленно слово «просвещение». Даже и не задумались над тем, откуда пришло это слово и что оно значит. Слова этого нет ни на каком языке, оно только у нас. *Просветить* не значит научить, или наставить, или образовать, или даже осветить, но *все-го* насквозь *высветлить* человека во всех его силах, а не в одном уме, пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь. Слово это взято из нашей Церкви, которая уже почти тысячу лет его произносит, несмотря на все мраки и невежественные тьмы, отовсюду ее окружавшие, и знает, зачем произносит. Недаром архиерей, в торжественном служении своем, подымая в обеих руках и троесвещник, знаменующий Троицу Бога, и двусвещник, знаменующий Его сходящее на землю Слово в двойном естестве Его, и Божеском и человеческом, всех ими освещает, произнося: «Свет Христов освещает всех!» Недаром также в другом месте служения гремят отрывочно, как бы с Неба вслух всем слова: «Свет просвещения!» – и ничего к ним не прибавляется больше.

Наблюдения над динамикой приемов (художественных и публицистических), основанных на метаязыковой рефлексии, позволяет увидеть интересные закономерности в формировании «поэтической лингвистики» конкретного автора. В метаязыковых комментариях Н.В. Гоголя сочетается тонкость и точность языковедческих наблюдений и мастерство художника, способного использовать факты лингвистики и для создания ярких образов, и как основу для риторических приемов.

ЛИТЕРАТУРА

Выходы Государей Царей и Великих князей Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича, Феодора Алексеевича, всея Руси Самодержцев (с 1632 по 1682 год). – М., 1844.

Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями. – М., 1990.

Дмитриева О.А. Лингвокультурные типы России и Франции XIX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2007.

Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М., 2005.

Приемышева М.Н. Из истории русской лексикографии: словари, составленные русскими писателями (Н.В. Гоголь, А.Н. Островский) // Русский язык в школе. – 2009. – № 1. – С. 88–93.

Русские писатели о языке: хрестоматия / под ред. Н.А. Николиной. – М., 2004.

Степанов А.В. Н.В. Гоголь: лексикографические интересы писателя // Русский язык в школе. – 2004. – № 2. – С. 48–51.

Судаков Г.В. Н.В. Гоголь об искусстве речевого общения // Русский язык в школе. – 2010. – № 1. – С. 53–57.

Шумарина М.Р. Рефлексивы в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя // Преподаватель XXI век. – 2009. – № 1. – С. 323–327.

REFERENCES

Vyhody Gosudarej Carej i Velikih knjazej Mihaila Feodorovicha, Aleksija Mihajlovicha, Feodora Aleksievicha, vseja Rusi Samoderzhcev (s 1632 po 1682 god) [Entries of Tsars and Great Princes Mikhail Feodorovich, Alexei Mikhailovich, Feodor Alekseyevich, all Russian Autocrats (from 1632 to 1682)]. Moscow, 1844. (In Rus.)

Gogol' N.V. Vybrannye mesta iz perepiski s druž'jami [Selected places from the correspondence with friends]. Moscow, 1990. (In Rus.)

Dmitrieva O.A. Lingvokul'turnye tipazhi Rossii i Francii XIX veka: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [Linguocultural character types of Russia and France of the 19th century. Thesis of Doctor of Philological sciences dissertation]. Volgograd, 2007. (In Rus.)

Zaliznjak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. Ključevye idei russkoj jazykovoj kartiny mira [Key ideas of the Russian language picture of the world]. Moscow, 2005. (In Rus.)

Priemysheva M.N. Iz istorii russkoj leksikografii: slovari, sostavlennye russkimi pisatel'jami (N.V. Gogol', A.N. Ostrovskij) [From the history of Russian lexicography: dictionaries compiled by Russian writers (N.V. Gogol, A.N. Ostrovsky)]. In *Russkij jazyk v shkole* [Russian language at school]. 2009, No. 1, pp. 88–93. (In Rus.)

Russkie pisateli o jazyke: hrestomatija / pod red. N.A. Nikolinoj [Russian writers on the language: anthology / ed. N.A. Nikolina]. Moscow, 2004. (In Rus.)

Stepanov A.V. N.V. Gogol': leksikograficheskie interesy pisatelja [Gogol: the writer's lexicographical interests]. In *Russkij jazyk v shkole* [Russian language at school]. 2004, No. 2, pp. 48–51. (In Rus.)

Sudakov G.V. N.V. Gogol' ob iskusstve rečevogo obshhenija [Gogol about the art of speech communication]. In *Russkij jazyk v shkole* [Russian language at school]. 2010, No. 1, pp. 53–57. (In Rus.)

Shumarina M.R. Refleksivy v "Mertvyh dushah" N.V. Gogolja [Reflexives in Gogol's "Dead souls"]. In *Prepodavatel' XXI vek* [Prepodavatel XXI century]. 2009, No. 1, pp. 323–327. (In Rus.)